

Разумеется, здесь меньше всего имеется в виду «отрицать» технику, выступать с позиций антитехнизма. Нет, ведь речь идет о философской, т. е. о **непрактической** позиции, которая должна видеть, оценивать, сохранять все другие возможности, для того чтобы техника могла развиваться, эволюционировать в сторону человека. Думается, именно «всеобщие» проблемы философии — гарантии этого человеческого мира; они дают защищенность человеческими и историческими заботами от той абстракции, в какую превратился научно-технический прогресс в качестве самоцели, от гипостазирования тех процессов, которые сознанию эпохи могут показаться всепоглощающими.

История философии позволяет обнаружить **недогматическую**, глубокую связь философии с философией техники. Как на разумный и целесообразный шаг, пока — один шаг, в этом отношении хочется указать на введение в высших учебных заведениях нашей страны, в том числе технических, курсов истории философии, истории мировой культуры.

Список литературы

1. *Ropohl G.* Die unvollkommene Technik. F. a. M., 1985.
2. *Hortleder G.* Das Gesellschaftsbild des Ingenieurs. F. a. M., 1970.
3. *Huning A.* Das Schaffen des Ingenieurs. Düsseldorf, 1974.
4. *Сколимовски Х.* Философия техники как философия человека // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.
5. *Schelsky H.* Der Mensch in der wissenschaftlichen Zivilisation // Auf der Suche nach Wirklichkeit. Düsseldorf; Köln, 1965.
6. *Смолян Г. Л.* Человек и компьютер // Социально-философские аспекты автоматизации управления и обработки информации. М., 1981.

Материалы к биографиям ученых и инженеров

М. Д. ГОЛУБОВСКИЙ (ЛЕНИНГРАД)

ЛЮБИЩЕВ ПРОТИВ ЛЫСЕНКОВЩИНЫ: ИСТОРИЯ И УРОКИ ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Поздравляя Александра Александровича Любичева (1890—1972) с 70-летием, П. Г. Светлов признался, сколь многим в научном и духовном развитии он обязан своему старинному другу, которого называл «лидером оппозиции казенщине в философии». То, что это не преувеличение, станет ясно, когда будут изданы основные работы из архива Любичева в области истории, философии и методологии науки, прежде всего «Линия Платона и Демокрита в истории культуры», «Наука и религия», «Философия и наука», «Уроки истории науки» [1].

Слово «казенщина» лишь в слабой степени отражает ситуацию, сложившуюся в 20-е годы. Еще недавно казалось, что лысенковщина — нечто уникальное для советской науки и культуры и касается лишь биологии, что это результат случайного захвата власти в ней малокультурным фанатиком Лысенко. Теперь очевидно, что уже задолго до воцарения Лысенко, в конце 20-х годов, произошла «фронтальная деструкция культуры и социогуманитарной мысли», а место философии занял суррогат веры, «невежественно-агрессивный по отношению к общечеловеческой культуре и атмосфере свободного научного поиска» [2]. На рубеже 20—30-х годов произошли погромы целых научных направлений и репрессии их творцов. В разряд репрессированных наук попали социология и теория кооперации, демография, психология и педология, история. К руководству в науке пришли «ученые новой формации». Для них наука представлялась не самоценной областью человеческого духа, а лишь важным элементом построения социализма. Оказалось, что наукой можно руководить, управлять, как добычей полезных ископаемых или черной металлургией. Полное подчинение философии идеологии, а последней — конкретным целям административной системы и идеалу **этатизма** (государства как высшей ценности) привело к тому, что истина стала отождествляться с указаниями очередного временщика.

Уже в 30-е годы В. И. Вернадский в спокойной академичной манере констатировал пагубное для научной мысли положение, когда взгляды «философов-материалистов, значение которых в современной философской мысли, в мировом ее охвате невелико», не будучи никогда систематически изложены, под видом диалектического материализма стали государственной философией. Отклонение от них признавалось ересью и жестоко каралось. Место философии заняли, по словам Вернадского, «словесный талмудизм и формальная схоластика», «создалось новое развращение мысли». К сожалению, эти оценки Вернадского были опубликованы лишь в 1988 г. [3].

К середине 80-х годов вся социокультурная среда оказалась пораженной тяжким недугом: «Строгий идеологический контроль за содержанием исследований, безусловное подчинение политике, преследование всего нового и творческого, запрещение свободных дискуссий. Это откровенное поощрение научного конформизма и беспринципности, подкуп и развращение ученых путем оплаты верноподданничества, выдвижение лакированных, массовое уничтожение научных кадров» [4]. Другие атрибуты социального недуга: жесткая предварительная цензура, невозможность публикации нетрадиционных результатов, разделение наук на «буржуазные и советские».

В биологии весь этот синдром признаков получил название лысенковщины. После сессии ВАСХНИЛ 1948 г. даже молчаливое несогласие со взглядами Лысенко, «мичуринской биологией», даже простая «свобода молчания» стали предосудительными и наказуемыми. В условиях сталинской диктатуры открытое неприятие официально утвержденных взглядов Лысенко требовало подлинного мужества. Среди биологов — членов партии известен, пожалуй, только один ученый — И. А. Рапопорт, который предпочел сдать партбилет, нежели публично отказаться от своих убеждений.

Тем более должно быть оценено мужество тех биологов, кто не только не признавал публично лысенковщину, но и решился на детальный критический анализ в период ее безраздельного господства. Прежде всего это известный генетик В. П. Эфроимсон. В 1947 г. он перевел с английского резко критическую статью против Лысенко главы американских эволюционистов Ф. Г. Добржанского и рассказывал о ней студентам биофака Харьковского университета. Комиссия Минвуза во главе с А. В. Топчиевым (будущий главный ученый секретарь Академии наук СССР в 1950—1959 гг. и ее вице-президент в 1960—1963 гг.) уволила доцента Эфроимсона «за поступки, порочащие высокое звание преподавателя высшей школы». Докторская диссертация Эфроимсона, успешно защищенная и утвержденная в ВАКе в 1947 г., была «законсервирована», и звание доктора наук присуждено автору спустя 15 лет. Изгнанный с работы ученый пишет и посылает в ЦК КПСС докладную записку на 200 страниц об ущербе, наносимом биологии и сельскому хозяйству распространением лысенковщины [13]. В 1949 г. следует арест Эфроимсона и концлагерь в Казахстане вплоть до 1955 г. Отбыв заключение, он тем не менее снова вступает в борьбу и в 1956—1958 гг. публикует несколько антилысенковских статей в «Бюллетене МОИП».

В 1961—1962 гг. Ж. А. Медведев пишет очерки по «Истории биологической дискуссии в СССР» (дополнения в 1963—1964 и 1966—1967 гг.). Они широко распространялись среди биологов по типу «самиздата», но, несмотря на падение Лысенко в 1965 г., так и не смогли увидеть свет в СССР. Лишь в 1989 г. опубликован небольшой фрагмент [5].

«Лысенкиана» Любищева

Исключительное место в истории борьбы с лысенковщиной занимает научно-публицистическая деятельность Александра Александровича Любищева, которую он начал в 1953 г. и вел, по существу, до своей смерти в 1972 г. Любичев относится к блестящей плеяде русских биологов, становление которых пришлось на начало XX в. — пик расцвета русской культуры. Основные исследования его были в области теории эволюции, систематики и морфологии, методологии применения математики в биологии [6]. Напряженная творческая работа продолжалась всю жизнь и, несмотря на удары судьбы «века-волкодава», не уменьшалась с возрастом.

Отвечая на поздравление с 70-летием своему самому близкому другу, П. Г. Светлову, Любичев писал: «Сейчас я потратил много времени и труда на знакомство с Галилеем и Коперником, с Ньютоном я и раньше был знаком. Остались еще Кеплер и Бруно. В первой половине 1962 года надеюсь

кончить астрономию, может быть, теоретическую механику, потом будут физические проблемы, и в 1963 году надеюсь приступить к биологии, что займет, конечно, 2—3 года, а затем 2—3 года должно занять значение философии в этике, эстетике, религии, социологии и политике» [7]. В такие глубины уводила сверхзадача Любищева — найти законы, управляющие биологическим разнообразием, и разработать принципы теоретической биологии. И все же Любищев считает своим долгом как ученый и гражданин отвлечься от заветных исканий и «возвысить голос против монополии, установленной в биологии Лысенко и его сторонниками». В этом выборе были мужество и драматизм. Замысел Любищева был глубок: проанализировать практические «достижения» Лысенко, сделать теоретический разбор его положений, выявить социальные и философские причины торжества лысенковщины. «Лысенкиана» Любищева уже к 1964 г. насчитывала несколько книг и полтора десятка статей, а также серию открытых писем в редакции газет и журналов. Прочтя второй, расширенный вариант рукописи Ж. Медведева «Биологическая наука и культ личности», Любищев писал ему 31 августа 1964 г.: «Вещь, конечно, превосходная и по эрудиции, и по документальности, и по ясности и последовательности изложения. Но что для меня всего удивительнее? Я писал о том же предмете около 800 страниц. Вы в основном писали независимо от меня. Общая оценка совершенно совпадает, но мы почти не повторяем друг друга, разбирая в общем разные стороны одного и того же весьма скабрёзного явления (есть еще поэтическая сторона того же вопроса в поэме „Космонавт“ — великолепная вещь, знакома ли она Вам?)¹. У Вас гораздо шире в смысле охвата разнообразных сторон биологии, очень много и основательно — чисто юридическая сторона и этический аспект. У меня эти последние стороны затронуты вскользь, но зато есть и критика Мичурина, и изложение вопросов так называемого вейсманизма-морганизма, которых у Вас нет. Не знаю, читали ли Вы мою заключительную часть „Что стоит Лысенко“. Я приведу полный список моей лысенкианы в конце, так как многие этим интересуются».

После ряда замечаний и комментариев к этому дополненному варианту книги Ж. Медведева Любищев в этом письме пишет: «Вы ссылаетесь на мои писания по поводу Лысенко, не указывая, какие Вы читали. Сообщу Вам полный список моих непечатных произведений по этому поводу, так как и некоторым другим моим друзьям этот список может быть интересен. Я убедился, что как основная „монография“, так и более поздние работы переписываются.

А. Основная работа „О монополии Лысенко в биологии“

Глава 1. Практические предложения Лысенко и его школы октябрь 1953 г.	...	70 с.
Глава 2. О вейсманизме-менделизме-морганизме сентябрь 1954 г.	...	95 с.
Глава 3. Наследство Мичурина и Вильямса апрель 1955 г.	...	137 с.
Глава 4. (не окончена). Теоретические взгляды Лысенко январь 1956 г.	...	95 с.
Завершающая. „Что стоит Лысенко“ январь 1958 г.	...	119 с.
		516 с.

Б. Дополнительные статьи по лысенковщине

1. Об аракчеевском режиме в биологии (первый набросок) июль 1953 г.	...	23 с.
--	-----	-------

¹ Речь идет о стихотворной пародии на Лысенко «Астронавт», которая была написана зоологом И. И. Пузановым. — М. Г.

2. Письма в редакцию газеты „Ульяновская правда“ апрель 1954 г.	...	17 с.
3. В редакцию „Литературной газеты“ апрель 1954 г.	...	7 с.
4. Письмо Н. С. Хрущеву 3 мая 1954 г.	...	5 с.
5. Письмо в редакцию „Литературной газеты“ 7 июня 1954 г.	...	6 с.
6. О науке и писателях (в „Литературную газету“) 7 ноября 1954 г.	...	9 с.
7. Открытое письмо А. Е. Корнейчуку февраль 1955 г.	...	38 с.
8. Новое в учении о биологическом виде. По поводу статьи Г. Фиша „Живые звенья“ в журнале „Звезда“ 10 декабря 1955 г.	...	49 с.
9. Письмо в ред. „Литературной газеты“ (по поводу статьи Р. Агишева „Живое дыхание“ и др.) 13 декабря 1955 г.	...	8 с.
10. О некоторых актуальных вопросах сельского хозяйст- ва (письмо одному инструктору ЦК) 12 января 1956 г.	...	50 с.
11. Несколько замечаний по методике опытного дела (было заказано „Ботаническим журналом“) 12 мая 1956 г.	...	62 с.
12. Письмо министру сельского хозяйства Мацкевичу 27 августа 1956 г.	...	3 с.
13. Философы из „Литературной газеты“ (письмо в „Литературную газету“) 6 февраля 1957 г.	...	22 с.
14. Два письма В. Овечкину апрель и июнь 1957 г.	...	12 с.
15. Письмо И. Г. Эренбургу 20 марта 1957 г.	...	24 с.
16. Смесь фальсификации, клеветы и невежества — чтение для школьников (по поводу книги А. Елагина „Цель жизни“) 11 октября 1957 г.	...	22 с.
17. Письма Каирову, Натали, Компаниец и Максимовой по поводу предыдущей статьи февраль 1958 г.	...	12 с.
18. О фальсификаторах и банкротах в науке (об Ольшанском) 19 сентября 1963 г.	...	17 с.
19. О плодородии земли. Открытое письмо акад. Е. Варга ноябрь 1963 г.	...	48 с.
Всего по разделу Б:	...	434 с.
В. Статьи, косвенно связанные со спорами в биологии		
1. Закон гомологических рядов Н. И. Вавилова и его значение в биологии 20 февраля 1957 г.	...	11 с.
2. Понятие и формы селекции 19 февраля 1957 г.	...	31 с.
3. Философия и наука 17 марта 1958 г.		54 с.

4. Обзор изложений витализма		
14 июля 1958 г.	...	23 с.
5. О планировании наук, в частности биологии		
30 августа 1959 г.	...	24 с.
6. О полезной и бесполезной биологии		
20 декабря 1959 г.	...	14 с.
Всего по разделу В:	...	157 с.
А всего по трем разделам	...	1107 с. ²

Ни одна из этих работ не была напечатана, хотя статья „Несколько замечаний по методике опытного дела“ была заказана редакцией „Ботанического журнала“, одобрена, но потом отвергнута как неподходящая „по профилю“; после долгой переписки с журналом и сокращению по указанию редакции замолчали. Та же история случилась со статьями В1 и В2 (для сборника в честь Н. И. Вавилова) и В6 („О полезной и бесполезной биологии“). Последняя статья была заказана, одобрена, 2 раза переделана по указанию редакции, а потом редакция замолчала. Получается, как в известном анекдоте, что один завидный жених, долго ухаживающий за девицей, просил посмотреть ее в натуральном виде, ввиду возможности скрытых пороков, а когда увидел, сказал, что ему не нравится форма ее носа. Такой анекдот типичен для советских редакций».

Письмо Любищева заканчивается горькой шуткой, ведь за 10 лет ничего из написанного по поводу положения в биологии не смогло пробиться в печать. Но и после падения Лысенко Любищев пишет две большие научно-публицистические работы — «О положении в биологии и агрономии» (апрель 1965 г., 70 с.) и «О двух статьях по генетике» (май 1965 г., 53 с.), в которых критикует упрощенный подход «победителей» к истории генетики.

Даже простое перечисление названий статей показывает, что ученый вступил на путь противостояния лысенковщины на всех уровнях Административной Системы: 1) верхние этажи власти и руководства наукой; 2) информационные каналы, по которым распространяется дезинформация, — печать, книги; 3) личные обращения-воззвания в форме открытых писем к авторитетам в культурном и научном сообществе — известным писателям и деятелям науки.

Драматизм выбора: «надо или не надо»

Вступив на путь открытого противостояния лысенковщине, Любищев должен был пройти или устоять перед тремя искушениями: долг перед наукой, искушение «двух лагерей», или клановых симпатий, и искушение не выходить за рамки идеологической территориальности. В этом смысле Любищев — уникальное явление в советской науке и культуре.

О первом искушении писала Н. Я. Мандельштам (1953 г.): «Я говорю свое „НЕ НАДО“ с других позиций. Самое убедительное для меня в Вашем письме — это то, что Вы ощущаете свое молчание как болезнь, что оно, в сущности, и есть причина болезни. Это прекрасное мужское свойство, которое я не раз наблюдала. Я видела, что мужчины — очевидно, люди с более глубокой социальной совестью, чем мы — бабье, — всегда болели, а часто и умирали, если не могли говорить о своей науке или искусстве того, что велела им совесть. Но мне жаль многих тех, которые не во время начинали... Я хочу, чтобы это страшное мужское сознание долга было менее социальным. Ведь есть у Вас долг перед наукой (в более глубоком смысле социальный), который заставляет Вас сидеть у микроскопа, писать статьи о науке (пусть сейчас лысенковцы не дают их печатать), собирать и накалывать на булавки новые материалы. Есть два долга. Один — наука, другой — ответственность за те формы, которые полу-

² Большинство рукописей напечатано через 1,5 интервала. — М. Г.

чает данная отрасль данной науки в настоящую историческую минуту. Я не уверена, что второй долг серьезней первого. Решает ведь первое. Именно первое — открытие, событие, находка — сметает второе... Я бы никогда не говорила „не надо“ о проблемах первого пути — от долга я бы никому не сказала, что можно уклониться. Но во втором я уверена. Может, правы ваши академические друзья, которые решают свои непосредственные задачи. Может, это и есть прямой путь. Я не знаю, что сказать. Но первый путь — самое главное. Что делать?»

Любищев свой выбор сделал. Он знал, что делать. Но в какой форме? Затрагивать ли только научную сторону дела или анализировать все стороны лысенковщины, включая систему, которая ее породила? Говорят, что человек — это стиль. Стиль Любищева — смелость, полная откровенность, желание высказать несогласие с общепринятыми взглядами. Идеократия, сложившаяся в 30-е годы, позволяла ученому свободу творчества строго в рамках своей профессии, но сурово пресекала философское инакомыслие. Это было своего рода незримое соглашение. Его соблюдали абсолютное большинство деятелей отечественной науки и культуры, включая и выдающихся, „зубров“. Ученые должны были строго соблюдать рамки идеологической территориальности. Тогда как идеократия не признавала никаких границ. Пожалуй, лишь один великий Павлов, получив в самом начале революции «индულгенцию» от Ленина, открыто высказывал несогласие с введением единомыслия. Так, в 1935 г. он протестовал в письме в Совнаркоме: «А введен в устав академии параграф, что вся научная работа академика должна вестись на платформе учения о диалектическом материализме Маркса — Энгельса — разве это не величайшее насилие даже над научной мыслью? Чем это отстает от средневековой инквизиции?» [8].

Любищев продолжил традицию свободомыслия русской интеллигенции, отбросив рамки идеологической территориальности. В этом было особое мужество. Все-таки Павлов — нобелевский лауреат, патриарх науки. А официальный статус Любищева — провинциальный профессор. Трудно сказать, кто, кроме него, мог с такой внутренней свободой и достоинством писать инструктору ЦК КПСС следующее: «Я к партии сыновних чувств не питаю, хотя был момент гражданской войны, когда я чуть-чуть не вступил в партию. Я питаю сыновние чувства к более длительным организациям: России, общечеловеческой культуре и всему человечеству. Я очень высоко ценю то, что было сделано партией для осуществления своей исторической миссии и не одобряю ее, когда она осуществляла поступки, противоречащие этой миссии... А по отношению ко многим честным членам партия в сталинские времена оказалась подобной даже не мачехе, а матери, пожирающей собственных детей или убивающей их. Этого ни забыть, ни простить нельзя» [9].

В другом письме к инструктору ЦК Любищев касается официальной философии, которая пользовалась привилегией неприкосновенности: «Из того, что они только через 30 лет стали в порядке исключения признавать, что Лысенко — шарлатан, ясно, что пользы от нашей философии для науки нет. Из-за этого и чрезмерной гипертрофии „советского духовенства“ и „советского богословия“ надо все это порядком сократить и допустить возможность разнообразия мнений. Вот ярлык „идеализм“ в смысле равноценном „виновен“ надо полностью выкинуть в мусорный ящик истории. Идеализм — почтенное направление в философии, подавляющее большинство философов (а среди крупнейших, пожалуй, без исключения) были идеалистами» [9].

В 1928 г. в письме в Академию наук СССР В. И. Вернадский, возражая против избрания в академию философа Деборина, решительно высказался в пользу одновременного сосуществования разных потоков философской мысли [10]. Такой же подход разделял Любищев. Стержнем его миропонимания было представление о разных уровнях бытия, об изначальности Космоса (порядка, закона) над Хаосом. В области биологии он причислял себя к виталистам, понимая под этим прежде всего признание особого биологического уровня организации, особых законов, не сводимых к физике и химии. Упрощен-

ное представление о «двух лагерях» в философии с упором на примат материализма отвращало Любищева, и он в пику казенщине выступал в роли «воинствующего идеалиста». Типичен такой забавный эпизод. После одного из докладов Любищева в Московском обществе испытателей природы в 60-е годы один из молодых слушателей опасливо спросил, не попахивают ли взгляды докладчика идеализмом. На что последовала быстрая реплика: «Пахивают? Да я, молодой человек, идеалист с 1918 года!»

Принципиальный плюрализм философской мысли, множество пересекающихся ее потоков — такова была приемлемая и желанная для Любищева картина миропонимания. В письме к П. Г. Светлову он писал, например, что нет какого-то общего направления — идеализм. Объективный идеализм относится к онтологии, субъективный — к гносеологии. И поэтому можно быть (как Карл Пирсон) гносеологическим идеалистом, а в области онтологии — материалистом [7]. В биологии непременным атрибутом материализма считается абиогенез: возникновение жизни на земле из косной материи. Вернадский же исповедовал вечность жизни, т. е. был (на этом уровне бытия) онтологическим идеалистом.

Драматизм ситуации, в которой очутился Любищев, состоял в том, что он вступился за биологию и генетику, в которой абсолютное большинство честных ученых, находясь под мощным давлением официальной идеологии и философии, не делали разницы между противоположениями «научный — ненаучный» и «материализм — идеализм». Слово «идеализм» у Лысенко и его псевдофилософского антуража было синонимом классового врага, в лучшем случае синонимом «ненаучного». В отрицании с порога всего «идеалистичного» трогательно сходились и Лысенко, и его противники-биологи. Обвинение в идеализме бросалось друг другу обеими сторонами. Так, например, в знаменитом «письме трехсот», посланном в 1955 г. в ЦК замечательном антилысенковском документе [11] (авторы — инициаторы письма — В. Я. Александров, Д. В. Лебедев и Ю. М. Оленов) [12], можно прочесть: «Августовская сессия ВАСХНИЛ была организована под лозунгом — приблизить науку к решению насущных вопросов, выдвигаемых перед ней социалистическим строительством, усилить борьбу с идеализмом в биологии. Выполнение этих требований было и остается почетной и радостной задачей каждого советского ученого и всей нашей науки в целом» [11]. Борьба с идеализмом как условие «социалистического строительства» — почетная и радостная задача — стала для большинства советских ученых символом веры, а не просто словесным клише.

Доминирование материалистической онтологии и гносеологии наблюдается в XX в. во всей мировой науке. Но одновременно выявились и огрехи в абсолютизации такого подхода, ибо зачастую налагался запрет на искание и исследование феноменов, явлений, материальная основа которых совершенно неясна. А если нет «механизма», неясен материальный субстрат, то верные материалистической онтологии ученые XX в. склонны отрицать или не замечать само явление. Приведу пример из области генетики. С идеей постоянства и точной локализации генов связаны очевидные успехи хромосомной теории наследственности. Однако уже на заре становления генетики были известны факты сверхвысокой изменчивости, нестабильности некоторых генов. Для их объяснения Барбара Мак-Клинток выдвинула в конце 40-х годов идею, что нестабильное состояние генов зависит от особого рода подвижных элементов, которые способны перемещаться с большой частотой в разные участки хромосом. Эта идея хорошо объясняла большинство фактов, но поскольку нельзя было сказать, какова материальная природа подвижных элементов, сама идея оставалась в тени почти четверть века, а факты считались каким-то курьезом. В 80-е годы это «облачко» дало начало новой «подвижной» генетике и общebiологической проблеме непостоянства генома [13].

Истинное свободомыслие, по Любищеву, заключается в том, чтобы рассматривать любые онтологические гипотезы как допустимые. В ответ на возражение, что такого рода идеалистическая онтология ведет к допущению в науку чего-то «непознаваемого», таинственного или даже мистического, Любищев приводил примеры из истории науки. «Вызывало протест введение отрицательных чисел, иррациональных чисел, мнимых чисел. Мнимые числа прямо называли мистическими. Сейчас комплексные числа потеряли всякую таинственность: это просто векторные числа, имеющие направление (кватернионы — еще более таинственные числа и имеют, однако, вполне рациональный смысл). Что значит „непознаваемый“, противоречащий здравому смыслу, непонятный? Таким является тяготение (тело действует там, где нет), вечные, неизменные атомы (таких в природе мы не встречаем), второй закон термодинамики вместе с признанием вечности мира и т. д. Но мы привыкаем ко всему этому и делаем вид, что они нам понятны» (из письма к П. Г. Светлову 7.11.67 г.).

В области биологии Любищев находился в оппозиции к большинству биологов, которые вслед за Дарвином отрицали наличие целеполагающих начал в живой природе. Однако, как считал Любищев, без введения таких начал нельзя создать теорию онтогенеза, теорию эволюции и т. д. Один из его любимых доводов таков: если сознание, целеполагание свойственны человеку, возникшему в ходе эволюции, то существование этих «начал» нельзя отрицать для органического мира в целом. В официальной философии тезис «сознание вторично, материя первична» считался не подлежащим обсуждению. Это вызывало раздражение Любищева: «Разве сознание — не особый сорт бытия? Реально все вне моего сознания и независимо от моего сознания, но, например, твое сознание независимо от моего сознания, значит, для меня оно материя, а мое сознание — материя для тебя, значит, и сознание — тоже материя. В этой области диаматчики ничего, кроме глупости и наглости, не дали» (там же).

Открытое выражение подобного рода взглядов в период господства единственно верного учения ставило Любищева в положение белой вороны, заблудшей овцы или несерьезного старика-чудака. Идеализм Любищева оказался своего рода охранной грамотой, которой пользовались шуты и юродивые, позволяя себе говорить всю правду королю. Подобным образом Сталин не разрешил трогать «небожителя» Пастернака.

Третье искушение, которое миновал Любищев, — клановая групповая этика, когда весь мир делится на «два лагеря». Этический принцип А. К. Толстого — «двух станов на боец», «спор с обоими мой жребий тайный» — полностью соответствовал мироощущению и поведению Любищева. Борьба с лысенковщиной в науке одновременно не мешала Любищеву не соглашаться с рядом общebiологических и философских взглядов ученых, противостоящих Лысенко. Этого требовала научная честность и те этические принципы, которым он неуклонно следовал. Если взгляды Лысенко и его клеветов — смесь фальсификации, клеветы и невежества, то отсюда вовсе не значит, что у противников Лысенко все правильно и они не подлежат критике. Не каждый, кто борется с дьяволом, — ангел или воплощение святости. К сожалению, нередко на место одних заблуждений приходят другие. Всегда есть опасность в борьбе с чудовищем вольно или невольно перенять кое-что из его облика и атрибутов поведения. Приведу один драматичный пример.

В противостоянии Лысенко большую роль играл известный московский биолог профессор В. В. Алпатов, с которым Любищев был знаком еще в 30-е годы и которому посылал свои антилысенковские статьи и научно-философскую публицистику. Эти работы вызвали восхищение у Алпатова. Вот несколько цитат из его писем к Любищеву.

17.02.1954 г. «Очень рад был получить от Вас письмо мне и письмо Корнейчуку. Последнее — шедевр!! Я и все мои друзья получили от его чтения величайшее удовольствие. Я боюсь только, что оно не очень поможет всему

делу борьбы за правду и правду биологическую. „Оттепель“ кончилась, и стоят легкие морозцы. Все позиции в руках шарлатанов от биологии».

08.12.1954 г. «Прочел вторую часть Вашего замечательного сочинения и Ваше письмо в „Литературную газету“. Обе вещи великолепны, и я не могу ничего ни прибавить, ни убавить в Ваших рассуждениях. Жаль только, что это до сих пор не напечатано».

Май 1955 г. «Привет от меня Ольге Петровне и благодарность за присылку „Мысли о многом“. Считаю эту рукопись документом огромной важности и чрезвычайной силы. Ее можно поставить в ряд с классическими произведениями великих натуралистов-полемистов».

20.01.1957 г. «Теперь о Вашем опусе. Он великолепен и блестящ, как и все предшествующее. Я читал его всю ночь, и волосы шевелились на голове. За такую работу Вы не только заслуживаете быть академиком, но и президентом ВАСХНИЛ Вам быть прилично».

10.02.1965 г. «Гром победы раздавайся, веселися, храбрый росс! Дожали-таки Трошку коллективными усилиями биологов и поддержкой физиков и химиков. Приятно сознавать, что в этом деле и мы с Вами кое-что помогли. Вы, конечно, особенно сильно! Ну а такие люди, как Медведев, Вы, Эфроимсон, Эмме, Пузанов заслуживают звания героя науки».

17.03.1965 г. «Недавно в Обществе испытателей природы состоялся прекрасный доклад Тимофеева-Ресовского „К столетию работы Менделя“. Публика пришла, как на праздник. Тимофеев — прекрасный оратор, и он захватил внимание аудитории. Сколько было аплодисментов. Приятно под конец жизни слышать свободное научное слово».

Мажорный тон в переписке начинает спадать, как только выясняется различие общебиологических и философских взглядов.

08.05.1969 г. «Благодарен за присылку Вашего сочинения о философии и систематике. Вы имели в этом сочинении возможность проявить Вашу эрудицию и в философии, и в биологии. Я проштудировав эту статью обстоятельнейшим образом... Очень приятно, что вопросам общей биологии понемногу у нас начинают придавать все большее и большее значение. Правда, много пишется фантастического и легкомысленного...»

К фантастическому и легкомысленному В. В. Алпатов относил идеи и исследования Чижевского о связи эпидемических явлений с солнечной активностью. Любищев в осторожной форме возражает и посылает ему свою большую работу «Уроки истории науки».

15.01.1970 г. «Получил „Уроки истории науки“. Как всегда, с огромным удовольствием дважды прочел то, что Вы пишете. Потрясает широта Ваших знаний и смелость постановки проблем. Кое в чем не могу с Вами согласиться».

13.12.1970 г. «Я восхищаюсь Вами совершенно так же, как восхищен Львом Толстым. Уважаю непрерывное кипение мысли, хотя с Вами, как и с Толстым, во многих отношениях не согласен...»

Разногласия стали очевидны, и трещина разрослась.

06.04.1971 г. «Я не отвечал долго на Ваше блестяще написанное 10-ти страничное письмо, потому что сильно его переживал. Поначалу я был готов возразить Вам по всем пунктам, т. к. и философски, и методологически по отношению к биологии мы оказались с Вами на противоположных берегах реки. Вы считаете первичным дух — идею. Вы цените факты меньше, чем идеи. Я же с ранних лет материалист... Продумав Ваше письмо еще раз, я пришел к убеждению, что надо различать три области духовной жизни человека — религию, псевдонауку и науку. К первой надо относиться с терпимостью, вторую разоблачать, а третью защищать от лжеученых и развивать на пользу человечества».

03.01.1972 г. «Получил Ваше письмо от 21.12.71 и рукописные статьи о Толстом и прочих вопросах (о Тейяре де Шардене). Я Вас понимаю, но никак согласиться не могу. Я сделал попытку прочесть „Феномен человека“, но,

видимо, у меня голова не воспринимает столь общий разговор, что книгу я не дочитал... Я сейчас все внимание сосредоточил на борьбе с чушью в биологии. Уже разобрался и пустил в печать статьи о: 1) Гурвиче А. Г. и его выдумках; 2) Чижевском; 3) Роскине и Ключевой; 4) магнитобиологии. В основном дело в полной неспособности к индуктивному мышлению, без которого в науку соваться не нужно».

А. Г. Гурвич, известный биолог — теоретик и экспериментатор, открывший митогенетические лучи и предложивший концепцию биологического поля, был в то же время учителем Любищева.

Отрывок из последнего письма Алпатова к Любищеву:

01.03.1972 г. «Наши с Вами разногласия по биологическим явлениям коренятся в различии наших философских позиций, и примирить их невозможно. Я с детства убежденный материалист и таким останусь до конца моих дней. Отсюда все разногласия».

И наконец, грустный, но в какой-то степени закономерный для деформированной советской науки финал. Через два года после кончины Любищева (31 августа 1972 г.) появилась о нем книга Даниила Гранина «Эта странная жизнь». Алпатов посылает в издательство протест, что прославляется ученый-идеалист. 16 ноября 1977 г. в Институте биологии развития АН СССР на заседании ученого совета был принят к печати том избранных работ Любищева «Проблемы формы, систематики и эволюции организмов» (книга вышла с большим трудом спустя пять лет). Алпатов явился на заседание ученого совета и решил предупредить институт о «большой ошибке».

Приходится сделать вывод, что мировоззренческий монизм на фоне материалистической онтологии способен с большой вероятностью принимать агрессивные формы. Вот почему Любищев в январе 1970 г. писал Ж. А. Медведеву: «Явление лысенковщины, сколь оно ни одиозно, на самом деле есть лишь эпизод в гораздо более серьезном конфликте между истинным свободомыслием и той или иной формой догматизма. А догматизм возникает на почве чрезмерной самоуверенности и нетерпимости, на основе экстраполяции полезных взглядов за пределы их применимости».

В заключение несколько слов о роли Любищева в противостоянии лысенковщине и казенщине в философии. Почти все его статьи и письма в защиту науки оказались неопубликованными. Но это не значит, что его самоотверженная грандиозная деятельность по очистке авгиевых конюшен не имела значения. В ЦК, куда Любищев посылал свои основные работы жанра «лысенкианы», начиная с 1954 г., Любищев встретил понимание, во всяком случае на уровне таких честных инструкторов ЦК, как В. А. Орлов. Он перепечатывал работы Любищева и знакомил с ними лиц, причастных к руководству наукой. Находила отклик и публицистика, посылаемая в журналы, издательства, газеты. Наконец, все работы были достаточно известны в научном сообществе, в среде не только биологов. Любищев был знаком лично или поддерживал эпистолярную связь и с математиками и физиками — А. А. Ляпуновым, И. Е. Таммом, В. Я. Френкелем. Среди его адресатов — известный экономист Е. С. Варга, известные историки И. Д. Амусин и Л. М. Глускина, а также Н. Я. Мандельштам и Г. А. Велле (писатель и переводчик А. Сент-Экзюпери). И. Е. Тамм называл Любищева мастером эпистолярного жанра, так как его многие письма — это целые статьи или трактаты, посвященные положению в науке.

Научно-публицистические статьи Любищева хотя и не были напечатаны, но играли большую роль. Так, первая статья Любищева, размноженная в научном «самиздате», появилась в 1953 г. и имела оглушительное по тому времени название «Об аракчеевском режиме в биологии». Через год, несомненно под влиянием Любищева, эти же слова появились в двух местах «письма трехсот» [12].

Многие свои статьи в защиту науки Любищев посылал И. Е. Тамму, с которым познакомился еще в 1919 г. в Крыму в Таврическом университете (Симферополь). И. Е. Тамму была ясна ненаучность и необоснованность

теорий Лысенко, но он, как и большинство ученых, биологов и небиологов, полагал, что у Лысенко есть некие практические успехи. Статьи Любищева разъяснили истинное положение дел. Поэтому И. Е. Тамм вместе со своими коллегами и учениками (прежде всего А. Д. Сахаровым) активно выступали в Академии наук СССР против засилья лысенковщины.

Есть, однако, более глубокий уровень, на котором может быть оценено значение деятельности Любищева в защиту науки. «Благодаря А(лександр)у А(лександровичу), — писал в 1977 г. С. В. Мейен, — я понял, как тесно связана повседневная исследовательская практика с глубочайшими философскими проблемами, что философия — не общее рассуждение (как общие выводы в школьном сочинении) после того, как работа окончена, а стратегия самого исследования, стратегия мышления... Он взял эстафету и передал ее. Мы взяли что-то у него и понесем дальше. Думаю, что та линия, которую он поддерживал и постарался передать другим, одна из наиболее ценных в человеческом разуме (я бы назвал ее критическим рационализмом... Режим заживо хоронил Любищева и не только его. Наша задача — не дать захоронить дух этих людей, передать этот дух дальше)»³.

Ушла в прошлое «мичуринская биология». Но осталась и даже продолжает доминировать «мичуринская философия» со всеми ее атрибутами. Поэтому уроки самоотверженной деятельности Любищева в защиту науки, в защиту свободомыслия чрезвычайно актуальны и сейчас. Они дают пример подлинного диалога, искусства несогласия. Ибо демократия — и в науке, и в обществе — это непрерывный диалог, где взгляды оппонента не враждебны, а взаимодополнительны.

Список литературы

1. Баранцев Р. Г. Описание архива А. А. Любищева // Сов. библиография. 1988. № 6. С. 73—78.
2. Филатов В. П. Об итогах лысенковской «агробиологии». (Опыт социально-философского анализа // Вопр. философии. 1988. № 8. С. 3—23.
3. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление (1938). (Неопубликованные фрагменты // ВИЕТ. 1988. № 1. С. 71—80.
4. Народ безмолвствует? (Беседа с президентом Советской социологической ассоциации Т. И. Заславской) // Огонек. 1988. № 40. С. 6—7.
5. Медведев Ж. А. История биологической дискуссии в СССР // Книжное обозр. 1989. № 6. С. 4—5.
6. Любищев А. А. Проблемы формы, систематики и эволюции организмов. М., 1982.
7. Из переписки А. А. Любищева и П. Г. Светлова. 1936—1969 // Природа. 1986. № 8. С. 90—100.
8. Протестую против безудержного своеволия (Переписка академика И. П. Павлова с В. М. Молотовым) // Сов. культура. 1989. 14 января.
9. Неприлично молчание мне (Из переписки профессора А. А. Любищева с инструктором ЦК КПСС В. П. Орловым. 1956—1971 гг.) // Эко. 1988. № 2. С. 97—123; Там же. № 3. С. 144—168.
10. Вернадский В. И. Записка о выборе члена Академии по отделу философских наук // Философ. науки. 1988. № 4. С. 107—113.
11. Генетика — наша боль (Из архива академика И. В. Курчатова. Письмо 1955 г.) // Правда. 1989. 13 янв.
12. Александров В. Я., Лебедев Д. В. Это было «письмо трехсот» // Правда. 1989. 27 янв.
13. Эфроимсон В. П. О Лысенко и лысенковщине // ВИЕТ. 1989. № 1—4.

³ Из ответа С. В. Мейена на вопросы анкеты Ю. В. Линника. — М. Г.